

✓ Полвека назад весельчаки-приятели говорили извозчику: «К Ильинскому!» И тот вез, совершенно не понимая, отчего их разбирает смех, в Ильинский переулок, где жил молодой артист Игорь Ильинский. Талантливый, уже замеченный, но тогда это совпадение давало повод поостеречь на тему: не слишком ли спешит к нему слава?

А слава действительно пришла скоро. И, устояв в тысячах рабочих будней, надолго. И в семидесятилетие Игоря Ильинского она воспринимается привычно: имя артиста произносится всеми с той домашней интонацией, словно все с ним лично знакомы.

Когда-то на творческом вечере Ильинского В. Э. Мейерхольд, чрезвычайно ценивший то качество, которое А. П. Чехов определял как умение «мыслить образами», сказал: «Только один из актеров современности напоминает мне эту любопытную черту Чехова. Это Игорь Ильинский. Он в работе всегда такой же... Он как будто чем-то ошарашен. Очевидно, его актерская работа неотделима от того, что представляет он собой в жизни».

В искусстве чаще, чем где-либо, взрослеют от успехов. Однако люди, обретающие уверенность в себе от одних лишь успехов, вряд ли истинные художники. Вот в чем никак не упрекнешь Игоря Ильинского — это в коллекционировании удач, в накоплении успехов на уже проверенной оптимизмным опытом почве. Счастлив он разнообразно и по разным поводам — именно потому, что никогда не страшился перемен в своей артистической судьбе.

«Ну теперь, после поступления Игоря Ильинского, ждите приглашения в Малый театр Карандаша», — заметил один из корифеев, Пров Садовский. Он не собирался обижать или недооценивать Карандаша. Он просто в резкой форме вы-

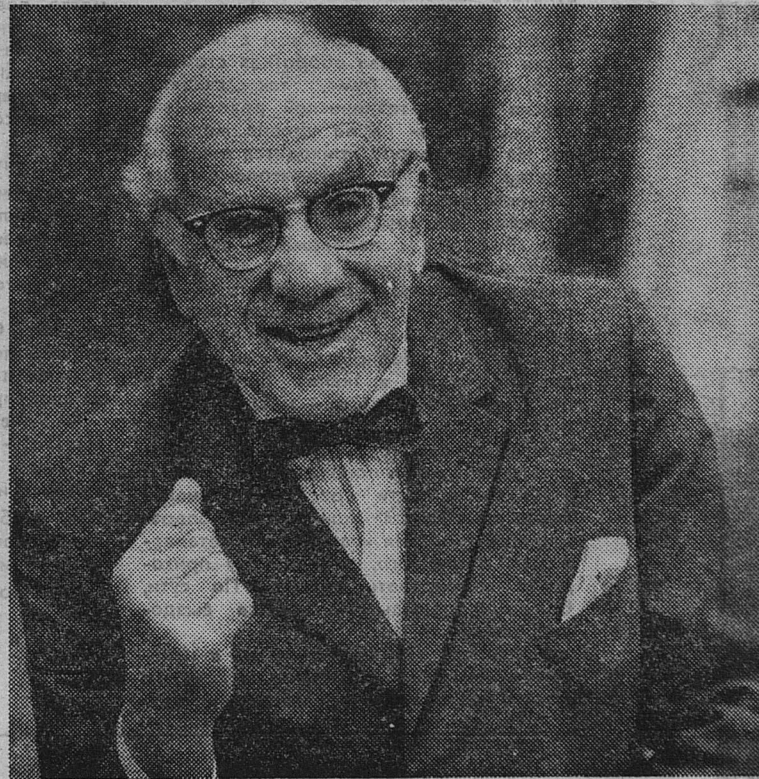
ВАШИ ЗНАМЕНИТЫЕ ЗНАКОМЫЕ

ВЧЕРА

сказывал убеждение: Ильинскому, всем известному по прежним работам в Первой студии МХАТ, у Мейерхольда и в кино, в театре столь очевидных реалистических традиций, как Малый, прижиться невозможно. И глубоко ошибся. Событием в истории Малого театра стало исполнение Ильинским ролей Акима во «Власти тьмы» и Фомы Опискина в «Селе Степанчикове». Не приводя список побед артиста в классическом и советском репертуаре, констатируем только факт: работа Ильинского принципиально важна для практики Малого театра, и зрители среднего поколения не представляют себе Малого без Ильинского.

Шумный успех Ильинского в кино сопровождался рекламой, легкомысленной по нынешним временам. Это могло бы и насторожить: надолго ли? Солидно ли для актера серьезного театра? Посмеются — перестанут. Нет, не перестают: миллионы смеются, сколько лет смеются!

Ильинскому, разумеется, повезло — он встретился с Яковом Протазановым, режиссером, многое в советском кино определившим. Повезло и Протазанову — он открыл не просто способного актера, с юмором и благодарной внешностью, он столкнулся с прирожденным кинематографистом, обостренно чутким к необжитой тогда еще специфике, не захотевшим втискивать в рамку кадра свой нажитый в театре багаж. Решившим поверить и пойти в неизвестное. И пусть отношения Ильинского и кино складыва-

И ЗАВТРА

лись периодами сложно, не без взаимных обид, почти символика то, что в юбилейные дни он занят на съемках.

В самый разгар своей всеобщей славы комика он выходит на концертную эстраду читать «Историю Карла Ивановича» из «Отрочества» Льва Толстого. Аудитория редко готова к неожиданностям такого рода, но чего нет, того нет — на поводу у публики Ильинский тоже никогда не шел. И вот сравнительно недавно мы сорок пять минут не могли оторваться от телевизионного экрана — Игорь Владимирович читал «Старосветских помещиков». Шла передача из цикла «Наедине со словом». «Очень важная для меня работа», — сказал Ильинский.

Движение актера вперед лежит через познание себя. Другого пути у него нет. И собственный характер — поле борьбы, наблюдений, опытов.

«Как-то в Ленинграде иду по коридору в «Европейской», — рассказывал друзьям Ильинский, возможно, и шутил, что-нибудь вроде автошаржа, — вижу, идет мне навстречу человек, напористый такой, прямо на меня, лоб в лоб, я решил: ни за что ему дорогу не уступлю, раз он так. Сходимся вплотную: зеркало!»

Принятый во МХАТ — примерно полвека назад, — он с гротеском входит в кабинет к уважаемому Непомучу-Данченко и вынужден выслушать от него: «Гротесчку вы, собственно, могли бы оставить у швейцара».

Потом беседа со Станиславским: «Несмотря на то, что симпатии мои к Константину Сергеевичу росли с каждой минутой нашей беседы, но фрондирующее настроение мое было, по-видимому, настолько сильно, что я незаметно для себя наговорил немало глупостей и довольно необдуманно спорил о чем попало с Константином Сергеевичем».

Это характер. Начинаящий, в сущности, актер подчеркнул не старается во что бы то ни стало понравиться людям, от которых зависит его будущее, причем людям, которых уважает. И, естественно, впадает в крайность.

Проходит месяц, а Ильинский все еще не занят в заметных спектаклях. И ничего удивительного — МХАТ переживает момент, когда и более опытные артисты ждут своего часа гораздо дольше. «Но не в моем характере и не в моем темпераменте было ждачь».

На первом же представлении мейерхольдовского спектакля «Лес» Ильинский самовольно стирает с чайника, с которым выходит на сцену Аркашка, надпись «Лес» — считает ее ненужной. Ему объявляют выговор. Он все же упорствует — и надпись исчезает. Занимающий первое положение и любимый Мейерхольдом актер Ильинский вступает с режиссером в споры. Ссорится. Уходит из театра. Возвращается и затем уходит навсегда. И в Малом далеко не во всех случаях он легко сговорчив и уж никак не благодушен.

Ранняя приверженность к самостоятельности в артистической работе и позволила ему на последней странице книги «Сам о себе» написать: «Я лично всегда был верен себе как художнику и считаю, что актер в своем творчестве должен быть как бы свободным от всех методов и систем, но в то же время должен изучить, по возможности, все методы и все системы, существующие в театре. Он должен

учиться всему, что может быть взято на вооружение для его работы в театре. Полезное очень индивидуально для каждого».

Сегодня Игорь Ильинский проводит эксперимент — соединение несходных жанров. На телевидении он ставит кинофильм по шести ранее читанным на эстраде чеховским рассказам: «Переселили», «Смерть чиновника», «Сапоги», «Оратор», «Дочь Альбиона», «Хамелеон» и сыграет в них двадцать персонажей — всех действующих лиц.

— Я предпочел бы просто ответить на ваши вопросы, — сказал мне Игорь Владимирович. — Чтобы ничего лишнего. Я бы потом посмотрел, если можно. А то, знаете, бывает...

Был соблазн согласиться, было что записать. Но в том же разговоре Ильинский признался, что больше всего любит трактовку роли, где есть допуск к фантазии зрителя. А ведь когда пишешь про Игоря Ильинского, не перестаешь быть его зрителем. И я подумал о праве на допуск...

Для художника с юмором Ильинского юбилей — обряд, форма спектакля. И юбиляр в нем — роль проходная. Дата скажет тоном помрежа: «Ваш выход, Игорь Владимирович!» И сразу — аплодисменты, приветствия.

В канун юбилейной даты мы предались воспоминаниям. Штамп? Штамп. Все же есть и резон. Мы знаем, что завершена работа над «Свадьбой Кречинского». Ильинский готовил роль Расплюева.

В планах Ильинского еще одно новое прочтение некогда знаменитой роли. Он собирается ставить на сцене Малого «Лес» Островского и сыграть в нем Аркашку Счастливецова.

Он не во вчера, он в сегодня, в завтра и в послезавтра.

Александр НИЛИН.

Фото Г. Дубинского.